

«Власть в Церкви и государстве»

«(Господь)
по божественной благодати
даровал иерархию на спасение всех
словесных и умственных существ»
Дионисий Ареопагит¹

I.

Что есть власть? Казалось бы, ответ на этот вопрос несложен: «Властью называется качество, в силу которого лица или учреждения издают законы и отдают распоряжения людям, ожидая с их стороны повиновения»². Однако, очевидно, это лишь внешнее описание властного начала, как оно реализуется вовне, не раскрывающее его природы. Следует отметить также чрезвычайно неоднозначное *отношение* к власти - в науке, да и в обществе по-прежнему бытует множество теорий, нередко противоположных друг другу. Власть хулят, боготворят, ей не доверяют, ее боятся и уважают, к ней стремятся – в общем, перед нами весь спектр оценок.

Общеизвестно, что начало власти коренится в самой человеческой природе и представляет собой установленный Богом *закон социального бытия*. «Поскольку равенство часто доводит до ссор, - писал св. Иоанн Златоуст, - то Бог установил многие виды начальства и подчиненности, как то: между мужем и женой, между сыном и отцом, между старцем и юношей, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. А безначалие везде есть зло и производит замешательство»³. И едва ли вызовет возражение «прозаическое» утверждение, что всякое общество нуждается во власти для управления им⁴. Таким образом, власть присуща всем без исключения общественным союзам - семье, государству, сословию, нации и т.д. Но то, что применимо к обществу, можно ли относить к Церкви, этому *сакральному союзу любви*, который в известной степени инороден земным союзам?

Для всех бесспорно, что Церковь иерархична, причем, эта иерархичность пронизывает все ее тело. Иерархия проявляется внутри одной

---

¹Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. М., 2004. С.7.

²Катехизис Католической церкви. М., 2007. С.448.

³Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на послание апостола Павла к римлянам (глава XIII)//Власть. Основы отношения к властям, обществу и государству. М., 1998. С.5.

⁴Катехизис Католической церкви. С.448.

церковной общины, между разными общинами, внутри одной Поместной Церкви, между различными Церквами, между Церковью и государствами и т.д. Однако этот факт трактуется различно. Например, нередко утверждают, будто церковная иерархия основывается на *иных* принципах, и в ее основе лежит не начало власти, а нравственный авторитет священноначалия или конкретного лица. И что Церковь хотя бы и в первые годы своего существования довольствовалась (и, стало быть, должна довольствоваться) лишь харизматиками и непосредственными формами коллективной жизни, не имея потребности в органах и лицах, обладающих специальными властными полномочиями. Привычные же для нас картины внутреннего строения Церкви объявляются *искажением* ее сакральной природы, узурпаторской попыткой встать *над* Христом. Ведь только Он, по мысли сторонников этой точки зрения, является *единственным* главой Церкви⁵.

Следующий отсюда вывод, будто «слово Божие узнается не по какой-либо форме, но по внутренней его силе, что в Церкви не может существовать никакой правительственной власти»⁶, выглядит смело и необычно. Однако своей безапелляционностью не коррелирует с конкретными историческими фактами и здравым смыслом. Хотя Церковь земная является предвосхищением Царства Небесного, но все же она также представляет собой одну из групп людей, связанных единым культом и таинствами. А потому следствия человеческой природы в полной мере сказываются и здесь, как и в любом другом социуме.

Трудно принять и то мнение (хотя и выросшее из другой теории), будто все апостолы изначально были равны друг по отношению к другу. Как нам говорят, «не было и не могло быть у кого-либо из них преимущественной власти»⁷. Совершенно очевидно, что этот тезис, развитый до своего логического конца, приводит вообще к отрицанию в Церкви иерархичного порядка. Кроме того, данная гипотеза не дружна с фактами - достаточно напомнить, что в «Деяниях апостолов» совершенно недвусмысленно подчеркивается руководящая роль св. Петра, обладавшего определенной властью даже над апостолами. Ведь именно ему Христос даровал совершение Евхаристии после дня Пятидесятницы⁸. Апостол Петр управляет церковной общиной, представляет ее перед первосвященником и римскими властями, созывает собрания, излагает основы христианского вероучения, судит и т.п. (Деян.1:15-17; 2:14-37; 4:8-12).

---

⁵Козлов Максим, протоиерей. Иоанн Павел II. Епископ Рима или наместник Христа?//Православная беседа, 2004. №1. С.43.

⁶Зом Рудольф. Церковный строй в первые века христианства//Зом Рудольф. Церковный строй в первые века христианства. Заозерский Н.А. О сущности церковного права (против воззрений проф. Рудольфа Зом). СПб., 2005. С.39.

⁷«Правила Православной Церкви с токованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского». В 2 т. Т.1. М., 2001. С.46.

⁸Афанасьев Николай, протопресвитер. Апостол Петр и Римский епископ (по поводу книги О. Кулльманна «Святой Петр»)//Афанасьев Николай, протопресвитер. Церковь Божия во Христе. М., 2015. С.433, 442.

И он был не одинок, рядом с ним находился другой выдающийся деятель Церкви - брат Иисуса Христа по плоти апостол Иаков, руководитель Иерусалимской общины. В «Псевдо-климентинах» - агиографическом сочинении II в. св. Иаков именуется даже «епископом епископов» и «управляющим всеми Божьим провидением основанными церквами»⁹.

Могут возразить, что авторитет обоих апостолов основывался не на властных полномочиях, а на духовном авторитете, дарах (харизме), данных им Христом. Но согласно мнению авторитетных специалистов, заслуживающему самого серьезного внимания, право «связывать» и «решать» (Мф.16:17-19), которое Христос даровал Своему первому апостолу, касалось не только *духовной власти* прощать грехи или нет, но и *управления общиной*. Дело в том, что эти термины не были чем-то новым для времени их произнесения Христом, поскольку заимствованы из языка раввинов и означали буквально «запрещать и разрешать», «налагать или отменять запрет». Параллельный стих из Евангелия от Матфея (Матф.18:18) «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» лишь подчеркивает дисциплинарные полномочия апостолов¹⁰. Стих же из Евангелия от Иоанна, где Христос, обращаясь к апостолу Петру, трижды говорит: «Паси овцы Моя, паси агнцы Моя» (Ин.21:15-17), едва ли позволит усомниться в том, что речь идет о *неограниченной учительной и распорядительной власти*¹¹.

Иными словами, св. Петр действовал, как настоящий глава Церкви, обладавший особыми полномочиями, которыми не располагали остальные апостолы. И полномочия эти, без сомнения, носили *властный*, а не просто нравственный характер. Да иначе и быть не может, поскольку и в Церкви присутствуют отношения подчиненного и начальствующего, а, следовательно, контур власти носит такой же характер, как и в обществе¹². Сама же иерархия является, с одной стороны, выражением божественно-духовного начала церковной власти, с другой, возглавляя церковную массу всех верующих, - служит как бы воспроизведением единой личности Христа в двойстве Его Богочеловеческой природы¹³.

Эта власть внутри Церкви принадлежала не только отдельным лицам. Как следствие особого положения св.св. Иакова и Петра, Иерусалимская община и Римская кафедра обладали наибольшим авторитетом в Древней Церкви. Причем, изначально первенствовал Иерусалим, однако после 135 г.,

---

⁹Суворов Н.С. Римское папство до разделения Церквей//Временник Демидовского юридического лица. Книга 29. Ярославль, 1882. С.11.

¹⁰Брент Аллен. Игнатий Антиохийский. Епископ - мученик и происхождение епископата. М., 2012. С.32.

¹¹Хенгель Мартин. Недооцененный Петр. М., 2012. С.4, 28.

¹²Заозерский Н. О церковной власти (основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства Церкви по учения православно-канонического права). Сергиев Посад, 1894. С.1, 2.

¹³Писарев Л.И. Очерки из истории христианского вероучения патристического периода. Век мучей апостольских (I и начало II в.). СПб., 2009. С.547.

когда город был полностью разрушен римлянами, и само его имя было стерто, заменено названием «Элия», влияние и власть Римской церковной общины резко возросло¹⁴. Так, свщм. Иринеи Лионский утверждал, что Римская кафедра – «величайшая, древнейшая и всем известная Церковь», с которой «по ее преимущественной важности всякая Церковь согласуется», а ее апостольское предание сохраняется верующими по всему миру¹⁵. И власть этих великих центров реализовалась в конкретных властных полномочиях, которые вскоре были признаны за Иерусалимом, а затем и за Римом.

Затем убеждение о верховных полномочиях главы Римской церкви становится всеобщим. Эпизод со смещением ересиарха Павла Самосатского с Антиохийской кафедры показывает со всей очевидностью, что даже для языческой государственной власти было небезызвестно, каким авторитетом пользуется Римский епископ. А потому император *Аврелиан* (270-275) принял ту сторону, которой благоволил именно Римский папа¹⁶.

После же воцерковления Римской империи данная тенденция многократно усилилась. Уже 6 канон I Вселенского Собора 325 г. квалифицирует власть епископа Рима в Италии как «древние обычаи». Впрочем, там же говорится и о других центрах церковной власти, возвышающихся над остальными общинами: Александрии для Египта, Ливии и Пентаполя, Антиохии – для своей области, Иерусалиме – для Палестины, Аравии, Финикии (7 канон).

8 июля 445 г. состоялся указ императора *Валентиниан III* (425-455) о посвящении в духовный сан некоего Илария Арлеанского. Император пишет: «Итак, поскольку первенство Апостольского престола подтверждено добродетелью св. Петра, который является наследником епископской короны, не допустим, чтобы кто-либо осмелился совершить что-нибудь противозаконное, умаляющее власть этого престола. Мир среди церковей наступит только тогда, когда мир признает своего властителя»¹⁷.

Великий Халкидонский Собор 451 г. единодушно восклицает: «Бог назначил неуязвимого от заблуждений поборника и приготовил к победе Римского предстоятеля, препоясавши его отовсюду учениями истины, дабы он, ратуя подобно пламенного ревностью Петру, привлек к Христу всякий ум. Боголюбивый предстоятель Римский ничего не изменил издревле возвещенной святыми Отцами веры»¹⁸.

Император *св. Юстиниан Великий* (527-656) в 130 новелле установил, «согласно определениям святых Соборов», что папа древнего Рима является первым из всех иереев. Он же писал Римскому епископу, что всегда считал необходимым доводить до его сведения все, касающееся благосостояния

---

¹⁴ *Афанасьев Николай, протопресвитер. Церковные соборы и их происхождение. Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2003. С.26, 30, 33.*

¹⁵ *Иринеи Лионский. Против ересей. Книга III, глава 3, 2. СПб., 2008. С.222*

¹⁶ *Евсевий Памфил. Церковная история. Книга 7, глава 30. М., 2001. С.346.*

¹⁷ *Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2005. С. 87, 88.*

¹⁸ *Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 160, 163.*

Церкви, и подчинить ему всех священников Востока, как главе всех святых Церквей¹⁹.

Хотя «Константинов дар» является, как уже давно выяснено, фальшивкой, регулярное обращение к данному документу со стороны таких авторитетных канонистов, как Антиохийский патриарх *Феодор Вальсамон* (1193-1199) и *Матфей Властарь* (?-1360), говорит о многом. Ведь согласно этому документу, якобы *св. Константин Великий* (306-337) постановил с Сенатом и вельможами, «чтобы епископ Римский и преемник верховного из апостолов господина моего Петра имел власть большую царской по всей Вселенной, чтобы был главой четырех патриарших престолов и чтобы им судимы и решаемы были дела, касающиеся православной веры»²⁰.

И это первенство среди остальных Поместных Церквей носило отнюдь не номинальный характер. Духовный авторитет Римского епископа, в частности, преобразовался в два чрезвычайно важных властных полномочия: окончательное решение по судебным делам и по вопросам вероучения. Остальные вселенские кафедры – Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Константинопольская в пределах своих территорий обладали аналогичными правами. Рим же претендовал на эти властные полномочия во вселенском масштабе.

Множество самых разных лиц, включая Отцов и Учителей Церкви, обращались в Рим с просьбой рассмотреть заново свой вопрос и отменить решение соборных судов, с которым они были несогласны. Святители Афанасий и Василий Великие, Иоанн Златоуст, Александр Александрийский, Флавиан Константинопольский, Евсевий Дорилейский, преподобные Максим Исповедник и Феодор Студит и сотни, сотни других лиц - «им же несть числа» - все получали там поддержку и помощь.

И хотя на протяжении многих веков и представители восточных Церквей, и протестанты без устали пытаются доказать ложность учения об особых правах Римского папы, факт остается фактом - его первенство признавали на протяжении многих веков тогда еще единой Кафолической Церкви практически все без исключения главы церковных кафедр, императоры и иные власть предержащие мужи. Разумеется, это трудно объяснить искусственными причинами. Как справедливо заметил один авторитетный автор, «невозможно установление института, который бы противоречил основным условиям историко-органического развития Церкви. Непостижим был бы для науки, превышал всякое человеческое разумение этот институт - почти ровесник христианства, если бы в основе его не лежало ничего, кроме обмана»²¹.

По мере усложнения церковной жизни и появления новых местных церковных организаций, когда напрямую встал вопрос о сохранении чистоты

---

¹⁹ *Суворов Н.С.* Девять глав о свободной Церкви и о свободе совести д-ра Фридриха Маасена//Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1882. С. XXVII.

²⁰ «Алфавитная Синтагма иеромонаха Матфея Властаря». Буква «е», глава 11. М., 2006. С. 195, 196.

²¹ *Суворов Н.С.* Римское папство до разделения Церквей. С. 32, 33.

и неизменности церковного учения и предания, вопрос о власти в Церкви и, как следствие, о *правовых основах* ее деятельности, стал еще более актуальным. В этом нет ничего удивительного или искусственного, как иногда пытаются утверждать, упрекая Тертуллиана (155/165-220/240), в частности, в том, что он и ему подобные исказили древний строй церковной жизни, чуждый какому-либо «юридизму»²².

Довод, будто отсутствие до Никейского Собора 325 г. норм писаного права свидетельствует в пользу «неправового» характера Церкви, немногого стоит. Да, у местных церковных общин могло и не быть писаных актов (канонов), однако *правовой обычай* образовался одновременно с появлением самими христианскими общинами²³. Кроме того, в значительнейшей степени их жизнь и быт проходили под эгидой еврейского законодательства, которое никоим образом не отвергалось ими. Разумеется, в последующем правовая тенденция только крепла.

Практически все правила, принятые на I Вселенском Соборе 325 г., являются актом легализации прежних местных правил и правовых обычаев. И не случайно в лексике канонистов, излагавших содержание древних канонов, часто употребляется словосочетание «соборное напоминание». Иными словами, Собор не столько устанавливал каноны, сколько *напоминал* обычаи, уже бытовавшие в Церкви²⁴. Так, епископ Фиваидский Пафнутий протестовал против предлагаемого celibата пресвитеров, ссылаясь на «древнее предание Церкви», не допускающее вступление в брак лишь лиц, *уже* находившихся в клире²⁵. Вообще ссылка на древность правил, устанавливаемых Собором, имеет место повсеместно за исключением случаев регулирования вопросов, возникших на данную конкретную минуту.

И 2 правило Пято-Шестого (Трулльского) Собора 691-692 гг., реципируя 625 правил святых апостолов и некоторых Святых Отцов (помимо канонов прежних Вселенских и Поместных Соборов), прямо говорит, что они были приняты и утверждены «бывшими прежде нас» и «нам переданы». Новизна ситуации заключается лишь в том, что еще во II - III вв. они применялись в отдельных местных Церквях, теперь же получили *вселенское* значение²⁶. В любом случае, к концу доникейского периода *уже* существовал целый свод определенных церковных правил (устных и письменных), близкий к тому, который мы видим в последующие эпохи²⁷.

---

²²Афанасьев Николай, протопресвитер. Апостол Петр и Римский епископ (по поводу книги О. Кулльманна «Святой Петр»). С.445.

²³Иоанн (Соколов), архимандрит. Опыт курса церковного законоведения. Т.1. СПб., 1851. С.55, 56.

²⁴Люилье Петр, архиепископ. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С.100, 101.

²⁵Сократ Схоластик. Церковная история. Книга 1, глава 11. М., 1996. С.34.

²⁶«Правила Православной Церкви с токованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского». Т.1. С.436.

²⁷Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. В 2 выпусках. Выпуск 1. М., 1874. С.113.

Безусловно, сами первые христиане ощущали живую потребность во властных органах и правовых нормах, регулирующих быт церковных общин. Ведь нельзя забывать, что в массе своей они являлись римскими гражданами, для которых понятия «право» и «власть» носили абсолютный характер. Римский закон значил для них *все*, являлся основой их социальной жизни, имел сакральные черты орудия справедливости и способа отделения цивилизованного человека от варвара. Он был нерушим, даже если противоречит религиозным убеждениям христиан, которые никак не могли быть противопоставлены ему. Да и не противопоставлялись - это были явления разного порядка.

Даже подвергаясь гонениям за отказ следовать языческим культам, христиане были убеждены, что претерпевают наказание хотя и за свою веру, ради Христа, но справедливо, поскольку, нарушив римский закон, послушавшись верховную власть, они стали *преступниками*, «*collegii illiciti*», нелегальным собранием, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Рим всегда с недоверием относился к всевозможным общественным корпорациям, видя в них источник грядущих политических волнений. И ночные богослужения неразрешенных законом собраний христиан подпадали под действие сразу нескольких законов, включая *sacrilegium* («преступление против веры»), *crimen laesae majestatis* («преступление против государства»), *ars magica* («занятия волшебством») ²⁸.

Римская империя, дитя римского права, живущая единым законом и единой властью, обеспечившая своим гражданам защиту их свобод и интересов, безопасность и само существование, объединившая в своих границах сотни народов и семь цивилизаций, простершаяся от Британии до Палестины, единственно законное государство в Ойкумене, являлась для римлян *высшим культом*. В ее состав могли входить (и действительно входили) иные общественные союзы, но ни один из них никогда и ни при каких обстоятельствах не мог основываться на других принципах, чем те, которые лежали в основе Римского государства. Церковь, нисколько не конкурируя с государством и не идя наперекор ему, желала лишь распространения на нее законов, которые регулировалось положение других «разрешенных» религий ²⁹.

Более того, по глубокому убеждению первых христиан, само создание и существование Римской империи являлось событием, *предуготовленным* Богом для рождения Кафолической Церкви. «Надлежит нам, - писал Тертуллиан, - молиться за императоров, даже за весь порядок государственного управления и за успешность предприятий римских. Ибо мы знаем, что величайшее насилие, предстоящее вселенной, и самый конец века,

---

²⁸Болотов В.В. Три первых века христианства. М., 2015. С.23, 24.

²⁹Афанасьев Николай, протопресвитер. Провинциальные собрания Римской империи и Вселенские Соборы (к вопросу об участии государственной власти на Вселенских Соборах)//Афанасьев Николай, протопресвитер. Церковь Божия во Христе. С.61

угрожающий ужасными скорбями, замедляются благодаря вступлению на почву истории Римской империи»³⁰.

Ему вторил другой, не менее знаменитый глашатай Христа – Ориген (185-254). «Известно, что рождение Иисуса последовало в правление *Августа* (27 г до Р.Х. – 14 г), который слил - если можно так выразиться - многочисленные народы земли в одно царство. И это было важно потому, что существование многочисленных царств, конечно, послужило бы препятствием в деле распространения учения Иисуса по лицу всей земли»³¹. Ровесник IV в. преподобный Ефрем Сирий (память 28 января) также не сомневался в божественном предназначении Римской империи и Римского царя³².

Конечно же, эти убеждения родились не на пустом месте. Вселенская религия могла распространяться только в государстве, включавшем в свой состав весь культурный мир того времени и разрушившем узко-национальные границы покоренных народов. И именно в Римской империи идея единства, сопряженная с идеей вселенской власти и правового порядка, выдвинулись на первый план. Христианство слилось с Римской империей, поскольку его космополитический, наднациональный принцип соответствовал всемирной монархии³³.

II.

Что есть государство, и насколько Церковь погрешает против своей природы и предназначения, когда идет на тесный союз с этим монстром, эпическим Левиафаном, способным подчинить себя вся и все? С некоторых пор (и особенно в последнее время) стало правилом хорошего «научного» тона *противопоставлять* Церковь государству, и - наоборот. Или, как минимум, размещать их в параллельных сферах бытия, доказывая, что только эта конструкция является единственно возможной и допустимой для их совместного сосуществования.

Следует, однако, отметить коренной недостаток тех «теорий», которые почему-то в последнее время выдают за «православное учение». Красной нитью через них проходит иногда озвучиваемый, а иногда – нет, тезис, будто власть церковной иерархии непосредственно установлена Богом для духовного спасения человека, поскольку служит *вечным* целям. А власть государственная, якобы, является следствием греховной человеческой

---

³⁰Цит. по: *Лашкарев П.* Право церковное в основных видах и источниках. Из чтений по церковному праву. Киев-СПб., 1889. С.59.

³¹*Ориген.* Против Цельса. Книга II, XXX//Ориген. О началах. Против Цельса. СПб., 2008. С.535, 536.

³²*Муравьев Алексей.* Учение о христианском царстве у преп. Ефрема Сирина//*Regnum Aeternum.* № 1. М., -Париж, 1996. С. 72, 74, 75.

³³*Суворов Н.С.* Римское папство до разделения Церквей. С.16.

природы, вытекающей из «естественной необходимости» для удовлетворения временных потребностей³⁴.

Второй отличительной чертой Церкви от государства, уверяют нас, является отсутствие в Церкви какого-либо принуждения. Но как же быть с теми, кто посягает на церковный строй и церковное учение? Ведь они являются еретиками, преступниками, которых необходимо остановить. Как быть без принуждения? В этих-то случаях, как говорят, Церковь и обращается за содействием к государственной власти, поскольку принуждение является неотъемлемой чертой государства.

Наконец, отличие Церкви от государства видят в том, что налагаемые ею наказания преследуют своей целью не столько сохранение церковного порядка, сколько духовную пользу для самого нарушителя. А государство хотя и не пренебрегает подобной целью, но, тем не менее, не считает ее основной³⁵.

Откровенно говоря, такие пассажи вызывают только недоумение, нисколько не удовлетворяя потребности разобраться в рассматриваемом вопросе. В первую очередь отметим, что, конечно же, практически любое государство, налагая наказание (уголовное или административное) преследует своей целью не только сохранение действующего правового порядка, но и нравственное перевоспитание наказуемого. Это общеизвестно. Да, эффективность воспитательных мер может быть различна, но ведь и церковные наказания далеко не всегда решают поставленные перед ними задачи.

Говоря, будто власть церковная не прибегает к насилию или принуждению, забывают, что любые запреты в Церкви по своей природе являются именно мерами *принудительными*. Они основываются не только и не столько на доброй воле наказываемого лица принять наказание, сколько на страхе перед неблагоприятными и более тяжелыми последствиями, которым он подвергнется, если добровольно нарушит вынесенный в отношении его церковный вердикт. Не говоря уже о том, что подобные тезисы совершенно игнорируют историю Церкви (и византийской, и русской, и западной), которая свидетельствует, что к еретикам относились совсем не так терпимо и увещательно, как нам пытаются показать, и действовали, отнюдь, не только мерами духовного воздействия. Да и сам по себе подход, согласно которому государственная власть должна принять на себя обязанность исполнения решения церковных органов, если те связаны с насилием, а церковная власть, за этим и обратившаяся к государству, в таком случае оказывается «в стороне», напоминает худшие примеры иезуитской морали.

Еще одно утверждение, будто различие двух союзов проявляется еще и в том, что Церковь имеет дело с христианином, а государство - с человеком

---

³⁴ Литвинова Л.В. Власть//Православная энциклопедия. Т.IX. М., 2005. С.109, 112.

³⁵ Цыпин Владислав, протоиерей. Власть церковная правительственная//Православная энциклопедия. Т.IX. М., 2005. С.115.

«вообще»³⁶, основано на игнорировании того очевидного факта, что именно Церковь имеет дело с «человеком вообще», поскольку миссионерство, несение Евангелия по миру является ее первой обязанностью. А государство апеллирует к сознанию *своих* граждан.

Здесь следует высказать некое общее соображение. Историю Церкви нельзя излагать отвлеченно, как это нередко делают, беря за основу некие умозрительные понятия «Церковь» и «государство». Если правовая наука готова использовать эту методологию, то, в конце концов, это ее дело. В любом случае, применять ее к Церкви решительно невозможно. В какое время образовались первые государства, какой тип из них является идеальным - предмет бесконечных научных дискуссий. Церковь же Христова - *одна* и дата ее рождения предельно известна, она рождена в конкретное время («при Понтийском Пилате») и в конкретном месте (Иерусалиме). Поэтому изучать вопрос о церковной власти нужно исключительно на основе фактов, как они сложились в действительности, а не приписаны истории неким страждущим умом.

Церковь Христова существовала и продолжает существовать в самых разных по своему типу и видам государствах - языческом, христианском, иноверческом, богоборческом, светском, республиканском, монархическом, унитарном, конфедеративном и федеративном. Не говоря уже о видах политических режимов. Неужели кто-то осмелится всерьез *научно* утверждать, что во всех случаях государство преследовало лишь те цели и задачи, которые указаны выше? Как можно уверять, что во всех случаях мы наблюдаем *один и тот же* тип отношений между Церковью и государством?

Христианская традиция не дает никаких оснований для двоякого толкования в данном вопросе. Задолго до христианизации Римской империи раздаются голоса Отцов и Учителей Церкви, пророков и святителей, утверждавших, что как и сама Церковь государство является творением Бога. Пророк Исаия напрямую называет Персидского царя *Киру* (600-580 гг. до Р.Х.), язычника, *помазанником Божиим* (Ис.45:1). Господь через пророка обещает Киру покорить ему все народы, «снять поясы с чресл царей», «уровнять горы», «сокрушить железные запоры» и отдать все сокровища мира «ради Иакова», хотя Кир и не знал Господа Саваофа (Ис.45: 2-5).

Наставления из апостольских посланий св.св. Петра и Павла также не требуют комментариев. Апостол Петр пишет братьям: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр.2:13-17).

---

³⁶ *Никодим, епископ Далматинский*. Православное церковное право. СПб., 1897. С.671.

Ему вторит апостол Павел в послании к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее» (Рим.13: 1-3).

Свщм. Иринеи Лионский писал: «Для пользы народов установлено Богом земное правительство, а не дьяволом, который никогда не спокоен и самые народы не желает оставлять в покое, - чтобы, боясь человеческой власти, люди не поедали друг друга, но посредством законодательства подавляли разнообразную неправду народов»³⁷. Примечательно, что эти слова принадлежат христианину, прошедшему через гонения со стороны восхваляемой им государственной власти и принявшему мученический венец во времена императора *Септимия Севера* (193-211).

И современное убеждение, что «жизни общества недоставало бы порядка и плодотворности, если бы в нем не было людей, наделенных законной властью, которые обеспечивают защиту порядка и в достаточной степени способствуют достижения общего блага», не выглядит чем-то новым и неожиданным³⁸.

Апостолы и другие боговдохновенные лица искренне полагали, что задача государства - не просто удовлетворение земных потребностей человека, как нам утверждают сегодня, а *обеспечение справедливости* в обществе. Это автоматически предполагает, что государство по своей природе, как она определена Творцом, призвано реализовать задачу духовного просвещения человека. Поэтому представители верховной власти, регулирующей общественный быт и наказывающей ослушников, обеспечивающих обязательность нравственного закона, - «Божии слуги» (Рим.13:3).

Когда св. Константин Великий, исполняя Высшее повеление, привел Римскую империю к Христу, Церковь слилась с государством, а государство с Церковью, чтобы исполнить свое естественное предназначение, освободиться от ветхозаветных одеяний, предстать перед миром тем, кем оно должно быть изначально - *орудием Божества*, той формой, в которой суждено существовать Христовой Церкви, ее доспехами и оружием.

Все опасения относительно «обмирщения» Церкви, узурпации власти в ней государством, основаны на весьма сомнительной аксиоме, будто государство по природе своей может быть или антихристианским или, в лучшем случае, индифферентным Церкви. Но какие есть основания утверждать, что власть церковная относится к богоустановленным институтам, а власть государственная - к человеческим «изобретениям»?! Как можно о государстве и политической власти говорить «вообще» в

---

³⁷ Свщм. Иринеи Лионский. Против ересей. Книга V, глава 24, 2. С.504, 505.

³⁸ Катехизис Католической церкви. С.448.

озвученной выше тональности, после того, как христианские государи один вслед другого торжественно провозглашали слова клятвы перед Богом?

Император *св. Юстиниан Великий* (527-565): «У нас всегда была и есть забота, правую и неукоризненную веры христианскую и благосостояние святейшей Божией Кафолической и Апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятениям. Это мы поставили первую из всех забот, и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обретем милосердием перед Его благодатью»³⁹.

Император *Константин IV* (668-685): «Опорой и основанием христианнейшего государственного управления, вверенного нам свыше, служит неуклонная и непоколебимая вера в Бога, на которой Христос Бог наш и создал Церковь Себе и, как Царь всех, утвердил престол нашего царства и вручил нам скипетр самодержавия»⁴⁰.

Императоры *Лев III* (717-741) и *Константин V Исауры* (741-775): «Мы заняты заботами и неусыпно устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу, почитая более земного справедливость - представительницу небесного»⁴¹.

И Церковь в лице Римского папы *Льва II* (682-683) в ликовании отвечает им (в частности, императору Константину IV): «Веселись, святая мать Церковь! Христос воздвиг тебе в лице Христоименитого поборника, благотворителя и щедрого дарителя, попечением которого православная веры просвещает весь мир»? «Новый Давид, - далее продолжал он, - победил диавола вместе с его полками и сподвижниками оружием истинного православия. Господь Бог умножил и исполнил Вас светом кафолического учения, чтобы от него рассеялись облака еретической лжи» и т.п.⁴².

В Византии Церковь освятила собой государство, признала его достоянием и собственностью Христа, Его «политией», где действуют Его законы. С точки зрения современников той эпохи Римская империя является идеальным государством, где действуют совершенные законы Христа и Церкви⁴³.

...Некогда один ученый остроумно заметил, что социальная философия Маркса – это взгляд на историю общества со стороны постоянного двора: все видится в определенном свете. Сказанное можно с полным правом отнести и к рассматриваемым выше теориям. Их вред заключается даже не в том, что многотысячелетняя история развития государственной идеи ограничивается перечисленными скудными задачами, а в том, что они ничего более от государства и не ждут. И формируют в сознании масс образ *внецерковного*

---

³⁹Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. С. 514.

⁴⁰Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т.4. СПб., 1996. С.248.

⁴¹Эклога//Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга епарха. Рязань, 2006. С.50.

⁴²Деяния Вселенских Соборов. Т.4. С.260,264.

⁴³*Василик В.В.* Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб., 2016. С.307.

государства, который и выдают за политический идеал, либо, в зависимости от обстоятельств, за обычный типаж. Отсюда – один (и вполне закономерный) шаг до *прямого отрицания* государства, как такового, – визитная карточка либерализма и анархизма. Причем, эту идею представляют эталоном православного правосознания. И совершенно игнорируют наиболее естественный для своей природы и распространенный в некоторые периоды времени вид политического союза – государство *христианское*.

А оно создается всегда, когда государство перестает быть только государством (по одному тонкому замечанию, «исчезает»), а Церковь – замкнутой в себе, изолированной от остального общества группой единомышленников. И вместо двух союзов появляется один – *теократия*, который можно назвать и «государственной Церковью», и «воцерковленным государством».

Главной особенностью ее является то, что в условиях теократии бессмысленно говорить о подчинении Церкви государству, поскольку, по одному справедливому суждению, признавая божественную миссию Церкви в области общественного строя, государство тем самым уже отрекается от абсолютной власти. «Все, что оно может в таком случае противопоставить Церкви, окажется слишком слабо и недействительно»⁴⁴.

Теократия вовсе не является выдумкой какого-то теоретизирующего исследователя. По одному тонкому замечанию, уже Рай можно квалифицировать как теократию. Райское *протогосударство* возникло как союз Бога и первой человеческой семьи, и власть в нем была основана на любви Бога к Своим творениям и послушании человека в свободе сыновней любви. Эти идеальные отношения Бога и человека в протогосударстве являются вечной парадигмой и для любого земного государства.

Конечно, нам известны государства атеистические, когда не только власть предержажие, но и вся масса граждан политического союза ставит перед собой цель борьбу с Богом, результатом которой становятся гонения на Церковь. Но этот «первородный грех» земных властей случается всякий раз, когда они, подобно первым людям хотят быть «как боги», когда природа власти и самого государства *искажается*. Отделяясь от Бога, власть начинает искать опору в самой себе, но не находя ее там, борется за себя, подчиняя общество себе⁴⁵.

Примеры эти хотя и трагично-ярки, но относительно редки и нехарактерны для человеческой цивилизации. За их исключением остальное время приходится на период *теократической государственности*. Мы неизменно обнаруживаем стремление людей и властей подчинить

---

⁴⁴ *Гарнак Адольф*. Церковь и государство вплоть до установления государственной Церкви//Гарнак Адольф. Церковь и государство вплоть до установления государственной Церкви. Монашество, его идеалы и его история. СПб., 2016. С.7, 8.

⁴⁵ *Фетисов Тимофей, протоиерей*. Образ идеального государства и власти в богословии Ветхого Завета//Величко А.М., Фетисов Тимофей, протоиерей. Библейская философия права и власти/сб.ст. М., 2016. С.55.

государство и самих себя некой высшей нравственной идее даже в те времена, когда Церковь Христова еще не существовала.

Патриархальный период человечества (до времени Исхода) характерен, по словам А.П. Лопухина (1852-1904), близким и непосредственным общением их с Богом и управлением народов на основании непосредственно сообщаемых Господом нравственных правил, которые уже признавались всеми, хотя еще не были сведены в формальное законодательство. «Это был опыт нравственного отеческого управления в его лучшей и простейшей форме». Даже забывшие истинного Бога египтяне, потомки Хама, стремились строить свою жизнь по Божьим заповедям и сверять свою волю с Божественным замыслом. Не случайно, при дворцах всех древнейших царей числилось великое множество всевозможных волхвов и жрецов, в обязанности которых входило правильно истолковать Божью волю своему правителю, дабы тот был во всем ей послушен. Отсюда такое внимательное отношение к сновидениям и желание разгадать наиболее точно их смысл⁴⁶.

Но наиболее ярко идея теократии проявилась в Израиле, этом Богом созданном государстве, религиозный культ которого единственно в мире ориентировался на истинного Бога. Ветхозаветная Церковь, как прообраз Церкви Христовой, также не предполагала какого-либо разделения «народа Божьего» на церковную общину и государство. Евреи могли впадать и действительно часто впадали в язычество и ересь, отпадали от Иеговы, но от того не переставали быть «народом святым».

Именно в древнем Израиле открылось, что хотя высшей целью государства является не только создание гражданам максимально благоприятных внешних условий жизни и обеспечение их свободы, а, главное, условий для духовного совершенствования человека в Боге, для его спасения. Власть получает свое происхождение от власти Бога, но это не «ярлык на княжение», и не привилегия, а бремя высокой ответственности утверждения в природном хаосе Божественного порядка⁴⁷. Разумеется, без государства эта задача невыполнима. Это понимание пришло позже, после разделения Израиля на два царства, а потом и гибели его как суверенного государства. С тех пор мечта евреев о *своем* государстве, как безусловной основы возрождения *духовного Израиля*, никогда не угасала в их сознании.

Поэтому совершенно верен вывод, что Церковь не изменяет своему характеру, когда входит в тесный союз с государством и, «сообщая ему свое освящение и благотворное действие сил духовных, приемлет и от него многие блага, облегчающие и распространяющие ее деятельность в спасении человеков. Она получает все средства устроить то тихое безмолвное житие чад своих во всяком благочестии и чистоте, которого желал еще апостол»⁴⁸. В свою очередь, для власти исполнение Божьего Закона является

---

⁴⁶ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого завета. Монреаль, 1986. С.71.

⁴⁷ Фетисов Тимофей, протоиерей. Образ идеального государства и власти в богословии Ветхого Завета. С.56.

⁴⁸ Скворцов И.М. Записки по церковному законоведению. Киев, 1861. С.21, 22.

единственным способом реализации собственного предназначения. Поскольку «все достоинство власти проистекает из ее принадлежности к сфере нравственного порядка, который берет основание в Боге: Бог его начало и окончательная цель»⁴⁹.

Теократия, приводящая к неслиянному и нераздельному единству Церкви и государства, по своей природе является отображением света двух природ Господа нашего Иисуса Христа, чудесным и сверхъестественным образом сочетавшихся в Нем. Соединяя земное и небесное, божественное и человеческое, она является наиболее естественной формой их взаимного сосуществования.

III.

Как легко убедиться, деятельность церковной власти затрагивает не только отношения внутри Церкви, но *вне* ее. Веления органов церковной власти касаются в первую очередь ее членов, однако они прямо или косвенно задевают и тех, кто в Церкви не состоит. Ведь никто не осмелится предположить того идеального состояния, когда весь мир станет Церковью, а все остальные общественные союзы растворятся в ней. Поскольку же этого желанного состояния в земных условиях ожидать едва ли возможно, то рядом с «обществом верных», «народом святым» будут существовать иные люди, к Церкви никакого отношения не имеющие. И обеспечение прав Церкви возможно только при востребовании ею *идеи права*⁵⁰.

Чего, например, стоят какие угодно церковные запреты, обращенные вовне, к лицам, склонным их просто игнорировать? Что делать, если кто-то из членов Церкви не желает исполнять веление органов церковной власти? Либо, когда между самими органами церковной власти нет согласия, и они обмениваются решениями друг по отношению к другу, которые с такой же легкостью игнорируются обеими сторонами? В том-то и дело, что без внешней силы, способной восполнить лакуны церковной власти, Церковь нормально существовать не может. И этой силой может быть только государство.

Именно в государстве рождается *церковное право*, которое не только формирует и регулирует отношения внутри Церкви, но и закрепляет за Церковью известные правомочия вовне. Справедливо утверждение, что церковное право относится к области *публичного права*, поскольку все его правила и полномочия имеют своей целью не интерес отдельных лиц, а общецерковное благо⁵¹. Однако для того, чтобы право *стало* публичным, ему необходима общественная среда, системно упорядоченный социум, государство.

---

⁴⁹Компендиум социального учения Церкви. М., 2006. С.262.

⁵⁰Суворов Н.С. Курс церковного права. В 2 т. Т.1. Ярославль, 1889. С.4.

⁵¹Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913. С.6.

Да простится пример, но эту ситуацию можно сравнить с «правом» какой-либо не признанной государством общественной группы. Это «право» может быть сколь-угодно развитым и эффективным (как, например, по своему эффективен «воровской закон»), но таковым в буквальном смысле словом не является. И справедливо сказано, что «право относится не к существу Церкви, как божественного учреждения, а к той внешней организации, в которой Церковь является как внешний религиозный союз с установленным в нем и постоянно развивающимся порядком. Необходимость права в Церкви основывается на существовании внешнего церковного организма и на необходимости твердого и правильного порядка в ней»⁵².

Бесспорно, что помимо церковного права существуют еще и нормы права, самостоятельно созданные Церковью (*каноническое право*). Но и оно не могло создаться без участия государства. Правообразование в Церкви отнюдь не завершилось древним периодом ее истории. И помимо тех канонических правил, которых были сформулированы многие века тому назад (и значительная часть которых уже отошла в область «мертвого права», т.е. не применяется по факту), Церковь даже в условиях гонений и существования в атеистическом государстве не переставала перестраивать свою организацию под новые условия. Не говоря уже о том, что многие акты канонического права созданы именно государственной властью в период теократического единства Церкви и государства.

Конечно, часть правовых обычаев и даже правил, которые были озвучены на первых Вселенских Соборах, возникли гораздо раньше времени их обнародования и легитимации. Однако, во-первых, до этого они не имели общецерковного значения и применялись различными местными общинами по их желанию. Во-вторых, в массе своей эти правила существовали в виде правового обычая, а не писаных норм. Очевидно, что обеспечение прав и интересов членов Церкви в таких условиях становится целью едва ли достижимой. Переход этих актов из латентного, скрытого, местного состояния в активное и кафелическое состоялся именно тогда, когда Церковь стала *государственной*. Что же касается норм писаного права, то наиболее распространенные из них были заимствованы из иудейского законодательства, т.е. созданы во время государственного бытия еврейского народа.

Государство, как высший властный союз, всегда будет регулировать внешнюю жизнь Церкви. За исключением, разве, случаев, когда ставится цель *одномоментно* физически уничтожить всех христиан и вообще упразднить Церковь. Во всех остальных состояниях, даже в периоды гонений или существования в иноверческом государстве, Церковь вольно или невольно занимает внимание законодателя, который попытается правовым образом определить ее место в череде других общественных союзов. Так, после завоевания арабами и турками территорий Антиохийского, Александрийского, Иерусалимского патриархатов халифы и султаны своими

---

⁵²Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. В 2 выпусках. Выпуск 1. С.8.

правовыми актами формировали церковное право для этих Поместных Церквей. И это церковное право одновременно становилось публичным правом Халифата и султанатов.

Если же отнести к каноническому (а не церковному) праву вопросы компетенции Константинопольского патриарха после 1453 г. (и это было бы вполне обоснованно), то следует признать, что и в этом отношении султан Блистательной Порты выступил широким церковным законодателем, определяя прерогативы архиерея своей столицы. Очевидно, признание Церковью такого положения дел возможно лишь в случае *единства источника* церковной и государственной власти - «Дана Мне вся власть на небе и на земле» (Матф.18:18). И даже, более того, наличие – в идеале - в Церкви и в государстве *одной власти*.

Пожалуй, наиболее ярко и спасительно для Церкви (в данном случае, ветхозаветной) участие государства, хотя и иноверческого, в ее судьбе проявилось в правление Персидского царя Артаксеркса I (465-424 до Р.Х.), когда первосвященник Ездра с кругом близких ему людей задумал восстановить Иерусалим, его стены и, главное, самого иудейского общества, Израиль. Тогда по его инициативе Персидский царь своим законом утвердил Закон Моисея, сделал его обязательным «царским законом» для евреев (2 Ездр. 8:23, 24). Это имело чрезвычайно широкие последствия. Впервые за много лет Израиль «нашел новую, узаконенную государством форму подлежащей особому божественному закону общности, для которой этот закон стал обязательным, но которая в то же время имела признанное государством право претендовать на то, чтобы она управлялась в соответствии с этим законом»⁵³.

Посмел бы Ездра пойти на этот шаг, если бы он, на пример современных исследователей, смотрел на государство только как на орудие удовлетворения материальных потребностей и отрицал за ним божественный источник власти? Вопрос, думается, риторический.

Еще более наглядно единство источника власти для обоих союзов проявляется в тех случаях, когда государство стремится стать Церковью, и ее задачи признаются верховной властью приоритетными. В этом случае верховная власть становится не только государственной, но и *церковной*, и напрямую участвует не только в формировании канонического права, но и святая святых Церкви - ее догматического учения.

Но если власть не признает себя властью от Бога, от Христа, когда она утрачивает сакральные черты божественного института, тогда, разумеется, ее участие в вопросах вероучения незаконно, поскольку такая власть в Церкви не состоит. Она является внешней и враждебной для нее силой, хотя и по-прежнему *необходимой*. История наглядно демонстрирует нам, что без власти, без государства никакое общество существовать не может; это в полной мере касается и Церкви. Она способна выжить даже во враждебном государстве, но не может существовать в государстве распавшемся. Даже

---

⁵³ Нот Мартин. История древнего Израиля. СПб., 20014. С.364.

враждебное государство дает ей необходимую поддержку; упадок государства влечет за собой ее падение, «потому что главным образом из государства почерпает она силы для своей универсальной организации»⁵⁴.

Демонизируя государство, приписывая ему черты и свойства самого негативного характера, идеологи этой доктрины забывают, что у каждого Божьего творения есть свои высшие и низшие пределы (даже у земной Церкви), который они перейти не могут. В идеале все общество стремится стать Церковью. Даже в самом ужасном сценарии развития событий, борясь с Христом и Его Церковью, государство не перестает быть детищем Бога и организовывать быт и жизнь своих граждан хотя бы по неверно понятой, но *идее справедливости*. Перейдя последнюю черту, перестав выполнять свои функции, государство просто саморазрушается, наступает хаос, когда структурированного общества уже просто нет. За ним (или вместе с ним) уничтожается семья, нации, остальные устойчивые социальные группы; наступает торжество анархии.

Иногда полагают, что сегодня государство, как институт преходящий, *исторически обусловленный*, утрачивает свои вековые позиции сильнейшего властного союза. И действительно, как кажется, внешние предпосылки для этого существуют. Достаточно посмотреть, как семимильными шагами в современной науке и общественном сознании навязывается альтернатива государству в виде конфедерации общественных международных формирований, как шельмуется институт государственной власти и власти как явления в целом. Иными словами, как сегодня делается все для разрушения социального тела и ликвидации всех тех природных скреп, которыми оно держатся и существует. Однако государство будет существовать до тех пор, пока существует человек.

История человеческой цивилизации неопровержимо свидетельствует о том, что всякое общество стремится именно к *государственному бытию*, желает избавиться от состояния анархии, в котором теряется духовная составляющая самого человека, утрачивается понимание иерархичности мира, высшей справедливости, правопорядка. Для человека сохранение государственного бытия - способ его самосохранения.

Как утверждают авторитетные исследователи, занимавшиеся толкованием «Откровения Иоанна Богослова», после краткого торжества анархии развращенного безбожием человеческого общества над властным началом, когда всем станет очевидна гибельность дезорганизация социального тела, антихрист выступит именно *восстановителем исторической государственности*. Именно это будет являться одним из оснований его всемирной популярности, и его действия будут направлены на то, чтобы восстановить власть, порядок и право - хотя и для борьбы с Богом и создания своего всемирного царства. «И дана ему власть действовать

---

⁵⁴ Гарнак Адольф фон. Церковь и государство вплоть до установления государственной Церкви. С.6.

сорок два месяца» (Откр. 13:5). Ни о каком безвластии Священное Писание нам не говорит⁵⁵.

Конечно, без Церкви государство всегда находится в состоянии тайного или явного духовного недуга, всегда подвержено греху и не имеет средств борьбы с ними. Только Церковь указывает путь спасения и открывает сакральные сферы бытия, где мы все лечимся от греха. Она же в свое время спасла Римскую империю, которую на тот момент уже не могло удерживать в состоянии статического равновесия ни власть, ни армия, ни право, ни финансы. Церковь же открыла по-новому идею властвования. Языческое сознание сопрягало, конечно, начало власти с идеей служения - в первую очередь, государству. Достаточно вспомнить античных героев, с которыми связано столько прекрасных примеров доблести и самопожертвования. Но одновременно с этим служение дарило множество личных благ - само право называться «гражданином», а не варваром, память потомков (для тщеславных лиц), триумфы, иные награды, которыми, конечно же, не пренебрегал соискатель на властные полномочия. Даже иудеи, воспитанные в ином духе, не особенно отличались в этом отношении от язычников. Достаточно вспомнить, как апостолы, уже просветленные примером и словами Христа, делили места в будущем Царствии Небесном в зависимости от своих заслуг (Матф.20:20,21; Лук. 22:24).

Лишь Христос раскрыл и наглядно показал, что в основе власти лежит *идея безвозмездного служения*, служения «Бога ради», служения как крест, который каждый несет на себе⁵⁶. «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф.20:28). Величие властного служения величественно изложил свщм. Дионисий Ареопагит (память 4 января), утверждавший, что священная иерархия имеет своей целью «посильное усвоение Богу и разумение божественного, всецелостность богоподобия и богоподобное состояние». Он даже уподоблял священнические порядки образам божественных энергий, благоустроенных и несмешивающихся⁵⁷.

Однако и Церковь приняла от государства очень многое. Образование первых центров церковной власти обуславливалось административным устройством Римской империи, которое Церковь копировала. Преимущества чести, торжественно признанные за папой Древнего Рима, обуславливались в первую очередь не тем фактом, что в данном городе приняли мученический венец святые апостолы Петр и Павел. А тем, что Рим являлся *политической столицей* Римской империи. Более того, поскольку с точки зрения гражданского устройства все итальянские города являлись римскими муниципиями, а Рим - их митрополией, для христиан не было ничего

---

⁵⁵Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С.580-582.

⁵⁶Павел Адельгейм, иерей. Догмат о Церкви в канонах и практике. Реанимация церковного суда. Нижний Новгород, 2008. С.40.

⁵⁷Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. С.54, 60.

естественнее того, чтобы признать *единственным* митрополитом Италии Римского папу. Доходило до того, что когда столица Западной Римской империи из Рима на время была перенесена в Милан, епископ этого города сразу же получил в управление епархии Северной Италии. А сами итальянские епископы в растерянности не знали, какому архиерею – Рима или Милана следует направлять текущие отчеты⁵⁸.

Чуть позднее II Вселенский Собор (3 канон), IV Вселенский Собор (17, 28 каноны), Трулльский Собор (38 канон) подтвердили, что церковное деление исходит из гражданского административного устройства. Более того, как согласно пишут канонисты, это правило основывается на древней прерогативе государственной власти устанавливать епископии в новых городах и возводить их в достоинство митрополии своим законом в зависимости от политического значения города⁵⁹.

Эта практика допускалась не только на Востоке, но и на Западе, где Римские епископы не спешили признать за государственной властью нечто подобное. Император *Оттон I Великий* (962-973), абсолютно убежденный в том, что «приумножение почитание Господа есть ручательство благополучия и прочности нашей королевской и императорской державы», находивший оправдание своей власти единственно в трудах о спасении душ подданных, предпринимал серьезные меры по христианизации восточных славян. С этой целью он наметил ряд преобразований в церковно-административном устройстве Западной церкви и получил широкую поддержку со стороны Римских пап. И в 962 г. папа *Иоанн XII* (955-963) издал грамоту, в которой не только превозносил труды императора в обращении вчерашних язычников к истинной вере, но и предоставил тому право самостоятельно учреждать епископии там, где это покажется ему необходимым⁶⁰. Разумеется, это далеко не единственный прецедент.

IV.

Следует сказать, что опасения некоторых исследователей, будто при столь тесном содружестве Церкви и государства неизбежны посягательства верховной власти на сферу догматики и вероучения, совершенно оправданы и неизбежны. Но оценить подобную деятельность властей следует не отрицательно, как нам предлагают, а *положительно*, отдавая себе отчет в том, что такая практика вообще присуща государству.

Как показывает история, верховная власть всегда прямо или косвенно регулировала вопросы религии, а иногда вообще принимала на себя функции священнослужения. Более того, сама политическая власть возникала как естественное следствие священнического достоинства ее

---

⁵⁸ Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 37, 51.

⁵⁹ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. С.408, 409.

⁶⁰ Флекештейн Й., Бульст-Тиле М.Л., Йордан К. Священная Римская империя: эпоха становления. СПб., 2008. С.84,87,88.

носителей. «Не сила установила начальников или царей в древних гражданских общинах; религия создала царя подобно тому, как она создала семейного главу в доме»⁶¹. Первейшей обязанностью царя всегда было свершение религиозных церемоний. И как верховный жрец, царь был блюстителем нравственности в государстве. Некогда царь одного из греческих полисов запятнал свои руки убийством и более не мог быть носителем верховной власти, поскольку ему уже не позволялось совершать жертвоприношения. Перестав быть жрецом, он не мог быть и царем⁶².

Житель Тибета видел в своем владыке живого Будду, которому следует молиться. Для индийцев покушение на священническое достоинство владык составляло тягчайший грех и преступление. В Египте также существовал культ фараона, которому египтяне подчинялись осознанно, осмысленно и благоговейно, проникнутые высокой верой в священное достоинство его власти⁶³.

Не стала исключением и Римская империя. Связь царя с религией выражалась сразу в трех формах: руководство сакральной сферой, исполнение определенных религиозных ритуалов и осуществление жреческих функций. После же изгнания царей и провозглашения республики установление надлежащих отношений с богами (*pax deorum*) стало важнейшей задачей сената и консулов. В частности, непосредственно перед вступлением в должность вновь избранные консулы должны были позаботиться об искуплении *продигий* (знаков божественного гнева), накопившихся за минувший год. После некоторых консультаций со жрецами сенат определял дату мероприятия, и консулы приносили жертвы богам. Самые незначительные религиозные вопросы в порядке рассмотрения дел неизменно имели преимущества перед самыми важными светскими делами⁶⁴.

Связь государство с религией носила настолько неразрывный, органичный характер, что уже с древних времен римское право отождествляло преступления против государственного имущества с правонарушениями против имущества, принадлежащего религиозным общинам. И очень быстро оба вида преступного посягательства (казнокрадство, растрата и святотатство) стали регулироваться одним законом - *lex Iulia peculatus*. Особенность святотатства заключалась в том, что, по мнению законодателя, покушение на священное имущество вызывало гнев богов, а потому рассматривалось как отягчающее обстоятельство⁶⁵.

С этим обстоятельством связаны, как правила, и гонения на ранние христианские общины, причем, содержательные мотивы (оценка религии)

---

⁶¹ Куланж Фюстель де. Древняя гражданская община: исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима. М., 1903. С.150.

⁶² Там же. С. 147-148.

⁶³ Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С.45, 55, 56.

⁶⁴ Иеринг Рудольф фон. Дух римского права//Иеринг Рудольф фон. Избранные труды. В 2 т.Т.2. СПб., 2006. С.243, 244.

⁶⁵ Сморгков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. С.89, 120, 144, 413, 414.

играли последнюю роль. А главная проблема заключалась в том, что христианство, отвергая государственную религию, посягало на высшее право Рима, поскольку только государство могло устанавливать и узаконивать религиозные культы. По одному тонкому сравнению, для властей Римской империи существование негосударственного культа было сродни тому, как если бы в наше время кто-то решил чеканить собственную монету. Культ и религию устанавливает государство, а не индивид. Таким образом, христиане автоматически заносились в разряд государственных преступников⁶⁶.

Но это неестественное положение дел держалось только до христианизации Римской империи. И принятие христианства потребовало от св. Константина Великого и его преемников лишь *пересмотра* древних узаконений относительно содержания религии, но вовсе не упразднения самих древних принципов, лежащих в основе Римской государственности⁶⁷. Церковь крайне легко и даже радостно констатировала право *христианского* императора на решительное вторжение в дела догматики и церковного управления. И, наконец, Церковь легко и без каких-либо осложнений приняла те формы властвования, которые были созданы языческой Римской империей, и правовые институты языческого Римского государства⁶⁸.

Насколько благотворные последствия имел этот союз, свидетельствуют многие факты. Приведем несколько показательных примеров. Специальным законом императора св. Константина Великого в 318 г. был создан институт *episcopalis audientia*, согласно которому епископам, как представителям императорской власти, передавалось право суда по гражданским делам. Причем епископ рассматривал споры, руководствуясь не нормами императорского законодательства, а христианским правосознанием. При этом решения епископского суда не подлежали апелляции. Совершенно очевидно, что эта мера была продиктована желанием императора внести справедливость в коррумпированное провинциальное правосудие и смягчить нравы той эпохи. Закон от 5 мая 333 г. подтвердил безапелляционность епископского решения⁶⁹. С некоторыми видоизменениями этот институт существовал вплоть до императора *Ираклия Великого* (610-630) и был упразднен лишь в 629 г.⁷⁰

Епископ же обыкновенно замещал магистрата при торжественной процедуре манумиссии, результатом которой является обретение рабом свободы. Он же свидетельствовал брачное соглашение брачующихся граждан. Характерно, что местные муниципальные собрания более не рассматривают дела в религиозной сфере - их полномочия отныне сводились

---

⁶⁶Болотов В.В. Три первых века христианства. С.21.

⁶⁷Лашкарев П. Право церковное в основных видах и источниках. Из чтений по церковному праву. Киев-СПб., 1889. С.101, 102.

⁶⁸Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С.68.

⁶⁹Гидулянов П.В. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 42, 43.

⁷⁰Бондач А.Г. Episcopalis audientia//Православная энциклопедия. Т.18. М., 2008. С.522.

лишь к хозяйственным и судебным вопросам. А вопросы нарушения общественной нравственности отныне становятся прерогативой епископских соборов. Сами же епископские соборы были устроены наподобие провинциальных собраний позднеримской империи.

Наиболее показателен Карфагенский собор 256 г., прошедший под руководством священномученика Киприана, который можно смело назвать «епископским сенатом». Как полагают исследователи, св. Киприан считал, что решения Собора могут иметь лишь рекомендательный характер, чтобы никоим образом не уменьшить полномочия епископата. В этом отношении он за основу брал принцип проведения сенатских заседаний, которые также носили в республиканскую эпоху консультативный характер⁷¹.

В своем желании поучаствовать в делах государства представители Церкви нередко впадали в противоположные крайности. Например, Ариминский собор 359 г. сделал постановление об освобождении церковных имений от государственных повинностей. А Карфагенский собор 399 г. издал акты, запрещающие языческие пиршества, игры в воскресные дни, а также освободили клириков от юрисдикции гражданских судов. И хотя императоры *Констанций* (337-361) и *св. Гонорий* (395-423) оперативно отменили эти акты, попеняв епископам на подобные неправомочные прецеденты, данные факты прекрасно иллюстрируют умонастроения той далекой эпохи⁷².

Нередко утверждают, будто государственные законы применяются Церковью только при условии их согласия с церковными канонами, и это, будто бы, и является обстоятельством, определяющим отличие Церкви от государства («законы императорские не могут иметь силы и обязательности для Церкви, если они нарушают догматические вероопределения Вселенских Соборов»⁷³). Но при этом забывают, что данное правило подлежит *безусловному применению* по отношению не только к государству, а ко всем вообще лицам, чья позиция признается ущербной с точки зрения интересов Церкви и ее вероучения. Можно привести массу актов, принятых сугубо церковными органами власти - Соборами епископов, которые также противоречили ранее принятым и действовавшим канонам («Разбойный собор» 449 г., иконоборческий Собор в Иерии 754 г. и др.).

Слова о невозможности исполнять требования, противоречащие законам и интересам Церкви, приходилось слышать не только императорам, но и патриархам. Когда Римский папа *Виктор* (189-199) потребовал от церковных общин Малой Азии праздновать Пасху по календарю, утвержденным Римом, епископ Поликарп Ассийский, ссылаясь на предание своей Церкви, отвечал ему: «Я прожил 65 лет в Господе, пребывал в сношениях с братьями по всей Вселенной, прочитал все Священное Писание

---

⁷¹ *Пашков Дмитрий, протоиерей*. Сенат и Синод в позднеримской империи // Богословские труды. 50 лет. Юбилейный выпуск 43-44. М., 2012. С. 471, 472, 477.

⁷² *Лашкарев П.* Право церковное в основных видах и источниках. Из чтений по церковному праву. С.67.

⁷³ *Соколов Н.К.* Из лекций по церковному праву. Выпуск 1. С.168

и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: "Повиноваться следует больше Богу, нежели людям"⁷⁴.

Но в иных случаях, когда общество воцерковлено настолько, что невозможно разделить сферу, относящуюся только к Церкви, от сугубо государственного бытия, любое внимание верховной власти к делам Церкви не могло не приветствоваться ею. Отцы Трулльского Собора пишут об императоре *Юстиниане II* (685-695, 705-711): «Когда мы беспечно проводили свою жизнь и покоились в умственном сне, так, что неожиданно для нас напал враг грабитель и незаметно выкрал добродетель и положил на ее место зло, Христос Бог наш, Кормчий сего корабля настоящего мира, восстановил в твоём лице мудрого нашего правителя, благочестивого императора, предстоятеля на суде, решающего дела по сущей правде, сохраняющего истину во век, делающего осуждение и оправдание посреди земли и шествующего непорочным путем, которого премудрость сделала глазом вселенной, ясно просвещающим подданных чистотой и блеском ума, которому она поручила свою Церковь и научила днем и ночью заботиться о ее законе к усовершенению и назиданию подручных народов»⁷⁵.

Конечно, бессмысленно отождествлять Церковь и государство - хотя бы потому, что государство было создано *раньше* Церкви, существовало в самых различных формах, поклонялось самым разнообразным религиозным культам, и, как правило, сковано рамками национальных интересов, что прямо противоположно задачам и целям Церкви. Церковь не служит национальным или сословным интересам, общественному благосостоянию, хотя благословляет и поощряет их. Но главная ее задача - призывать всех людей к сверхприродному спасению, руководить их духовной жизнью, обучать их истинам веры, освящать их благодатью таинств - в общем, приводить их к Небесной Церкви, к жизни вечной⁷⁶.

Однако сказанное вовсе не означает, что при определенных условиях они не стремятся к отождествлению.

---

⁷⁴ *Евсевий Памфил*. Церковная история. Книга 5, глава 24. С.236, 237.

⁷⁵ Деяния Вселенских Соборов. Т.4. С.270, 271.

⁷⁶ *Тышкевич С., священник*. Учение о Церкви. Париж, 1931. С.106, 108.